
ГЕОПОЛИТИКА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР И РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Р.М. Айрапетян

Кафедра истории
Московский авиационный институт
(Государственный технический университет)
Волоколамское шоссе, 4, Москва, Россия, 125993

В статье рассматривается предыстория русской школы геополитики, анализируется соотношение внешней политики и геополитических идей в СССР и России во второй половине XX в.

Ключевые слова: СССР, Российская Федерация, геополитика, внешняя политика.

Геополитика как междисциплинарная область знания о закономерностях распределения и перераспределения сфер влияния различных государств и межгосударственных объединений в планетарном пространстве прошла в своем развитии большой исторический путь. Представления о том, что жизнь государств и народов во многом обусловлена воздействием пространственно-географических факторов, сопровождают социально-политическое бытие человечества с глубокой древности. Хорошо известно, что еще Аристотель в своей «Политике» давал, если говорить современным языком, геополитическую оценку преимуществ острова Крит, позволявших ему возвыситься над всем эллинским миром: «Остров Крит как бы предназначен природой к господству над Грецией, и географическое положение его прекрасно: он соприкасается с морем, вокруг которого почти все греки имеют свои места поселения; с одной стороны, он находится на небольшом расстоянии от Пелопоннеса, с другой — от Азии, именно от Триопийской местности и Родоса» [2. С. 434—435].

Геополитические идеи, связанные с необходимостью установления контроля над пространством в целях обеспечения не столько династических, сколько государственных интересов, стихийно проявлялись в многочисленных войнах, которые вели европейские монархи эпохи Средневековья и Нового времени. Но только к концу XIX — началу XX в. геополитика получила надлежащее теоретическое обоснование на основе синтеза идей географического детерминизма, военно-стратегических теорий и цивилизационного подхода к историческому процессу (см.: [24. С. 8—10]). Сам термин «геополитика» получил широкую известность после опубликования в 1916 г. книги шведского государствоведа Р. Челлена «Государство как форма жизни» (см.: [41]), в которой развивались идеи немецкого географа и антрополога Ф. Ратцеля, по праву считающегося «отцом-основателем» дисциплины.

Авторы современных учебников и учебных пособий обычно выделяют следующие основные геополитические школы: немецкую, англо-американскую, французскую и русскую (см., напр.: [3; 7. С. 97—108; 9; 24; 37] и др.), иногда оговаривая существование и некоторых других, в частности, итальянской и японской (см., напр.: [17. С. 129—132, 171—177]). Наиболее яркими представителями не-

мецкой школы принято считать Ф. Ратцеля, К. Хаусхофера и К. Шмитта; французской — П. Видаля де ля Блаша, англо-американской — британца Х.Дж. Маккиндера и исследователей из США А.Т. Мэхена и Н.Дж. Спайкмена. Первым русским автором, непосредственно занимавшимся разработкой геополитической проблематики, стал П.Н. Савицкий, видный деятель евразийского движения послереволюционной эмиграции «первой волны» (см.: [28. С. 507—514]), однако в целом русская геополитическая школа, несомненно, имеет более глубокую традицию и по праву может считаться одной из старейших в мире.

Первые осознанные акции геополитического плана в действиях русичей можно проследить еще в дохристианскую пору, когда Великий князь Киевский Святослав I Игоревич (ок. 942—972) изменил направление собирания русских земель с меридианального на широтное, совершил походы на Оку, в Поволжье, на Северный Кавказ, в 964—965 гг. разгромил Хазарский каганат и, пройдя все Предкавказье, закрепился на Таманском и Керченском полуостровах. Впоследствии с выдвинутой и обоснованной псковским монахом Филофеем в начале XVI в. концепцией «Москва — Третий Рим» была связана целая эпоха борьбы за византийское наследство. Титул «Государь всея Руси» стал знаменовать борьбу Москвы за собирание всех земель восточных славян до Карпат на Западе, а решительные действия Ивана IV в отношении Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, по своей сути, явились блестящей геополитической акцией, предотвратившей реальную опасность возрождения Золотой Орды под вассалитетом могущественной в те времена Османской империи и последующего поглощения территории Московского царства. Тот факт, что государственным гербом России стал византийский двуглавый орел, одновременно смотрящий на Запад и на Восток, можно истолковать как наглядное свидетельство преобладания широтной геополитической стратегии в развитии внешней политики Российского государства на многие годы. Очевидно, что именно этой линии придерживались в XVII—XVIII вв. видные представители царствующего дома Романовых — Алексей Михайлович, Петр I и Екатерина II.

В XIX в. особую актуальность для определения задач внешней политики Российской империи приобретает славянофильство, ставшее отражением роста национального самосознания и усиления национально-освободительной борьбы славянских народов в Австрийской и Османской империях, последнюю из которых российский император Николай I справедливо и образно называл «больным человеком» (см.: [18]). Наиболее завершенную геополитическую направленность получила доктрина панславизма, занявшая видное место в отечественной общественной мысли второй половины XIX в. после поражения России в Крымской войне 1853—1856 гг. Эта доктрина, основанная на идее коренного отличия славянских народов от других народов Европы, содержала вывод о необходимости союза всех славян во главе с Россией (за исключением Польши, которая, по мнению панславистов, утратила истинно славянский характер и скорее тяготела к Западу. — *Прим. авт.*). Идеи панславизма развивали Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов, А.И. Кошелев (см.: [8; 20; 35]), разделяли видные представители государственной и военной элиты — граф Н.П. Игнатьев, князь В.А. Черкасский, генералы М.Д. Скобелев, Р.А. Фадеев, М.Г. Черняев) (см.: [16; 23; 30; 40; 42]).

В советское время геополитика как таковая в нашей стране официально не существовала. Внимательно анализируя терминологический аппарат и общую структуру концепций основоположников дисциплины и других авторов с учетом особенностей и своеобразия социально-исторического контекста их возникновения, советские исследователи далеко не случайно называли геополитику буржуазной, реакционной теорией, извращенно использующей данные физической и экономической географии для обоснования и пропаганды агрессивной политики империалистических государств. При этом во многом справедливо подчеркивалось, что западные геополитики прибегают к широкому использованию понятий «жизненного пространства», «естественных границ» и географического положения своих государств для оправдания милитаризма и захватнических войн.

Однако было бы ошибкой утверждать, что советские руководители не осознавали геополитических проблем, стоявших перед страной. Особенно наглядно геополитическая логика высшего руководства страны проявилась в годы Великой Отечественной войны в ходе работы конференций руководителей трех союзных держав, проходивших в Тегеране, Ялте и Потсдаме (подробнее см.: [31; 32; 33]).

Именно в военное время происходит второе рождение нового, «советского» панславизма, толкование которому дал И.В. Сталин: «Теперь много говорят о славянофилах. Нас зачастую сравнивают со старыми славянофилами царских времен. Это неправильно. Старые славянофилы, например, Аксаков и другие, требовали объединения всех славян под русским царем. Они не понимали, что это вредная идея и невыполнимая. Славянские народы имеют различные общественно-бытовые и этнографические уклады, имеют различные культурные уровни и различное общественно-политическое устройство. Географическое положение славянских народов также мешает объединению. Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе друг с другом... Есть разговоры, что мы хотим навязать советский строй славянским народам. Это пустые разговоры. Мы этого не хотим, так как знаем, что советский строй не вывозится по желанию за границу, для этого требуются соответствующие условия. Мы могли бы в Болгарии установить советский строй, там этого хотели. Но мы не пошли на это. В дружественных нам славянских странах мы хотим иметь подлинно демократические правительства» [34. С. 361—362].

Однако высказанной в конце войны идее укрепления дружественных политических и экономических связей между славянскими странами, сохранявшими особенности своего государственного строя при несомненной ведущей роли СССР, не суждено было реализоваться. Стремительный односторонний отказ бывших западных союзников от Потсдамских соглашений, умышленное оттягивание ими решения германского вопроса в плане подписания мирного договора и воссоединения оккупационных зон в рамках нового единого демократического немецкого государства, а также ремилитаризация Западной Германии, ставшая фактом уже к 1950 г., объективно толкали социал-демократические и коммунистические пра-

вительства стран Восточной Европы, во многом вопреки желанию СССР, на путь форсированной «советизации».

В послевоенное время геополитика и панславизм не могли стать элементами идеологической основы, определяющей внешнеполитические воззрения и приоритеты руководителей Советского Союза и других социалистических стран. С одной стороны, «советский» панславизм достаточно быстро уступил место официальной идеологической установке «пролетарского интернационализма» как не соответствующий реалиям социалистической системы, которая вышла за пределы славянского мира, включив в себя в Европе Восточную Германию, Венгрию, Румынию и Албанию, в Азии — Китай, Монголию, Северную Корею, Вьетнам и Лаос, в Латинской Америке — Кубу.

С другой стороны, в годы «холодной войны» геополитическое противостояние достигло планетарного масштаба и четко определилось как раскол мира на два враждебных социальных лагеря во главе, соответственно, с США и СССР. В условиях, когда Запад акцентировал внимание на углубление политического, военного и экономического превосходства над Востоком, концепция «пролетарского интернационализма» стала важнейшим идеологическим обоснованием для перехода Советского Союза к активному внедрению в страны, освободившиеся от колониальной зависимости. В отчетных докладах Генеральных секретарей ЦК КПСС на партийных съездах появились разделы с анализом положения дел не только в мировом коммунистическом и рабочем, но и в национально-освободительном движении, при этом особый акцент делался на «развивающихся странах, избравших некапиталистический путь развития» и «странах социалистической ориентации».

Это было уже не устремлением к мировой революции, а советской разновидностью геополитической экспансии. Такие масштабы едва ли были представимы политикам императорской России — по сути, ставился вопрос о том, чтобы весь мир практически был охвачен советским влиянием. Однако эта глобальная задача имела мало общего с наработками отечественной геополитической школы, оказавшимися за рамками внимания исследователей из СССР и других социалистических стран, вплоть до второй половины 80-х гг. направлявших свои основные усилия преимущественно на критику немецко-фашистской и послевоенной западной геополитики (см., напр.: [1; 5. С. 124—134; 6; 21; 25; 38; 39. С. 205—225] и др.).

По-видимому, следует согласиться с А.Г. Дугиным в том, что «хотя до определенного момента советской истории создается впечатление, что основные решения на международном уровне принимаются последователями Петра Савицкого, сверяющими каждый шаг с публикациями евразийцев, наступает переломный момент — 1989 год — когда выясняется, что никто в советском руководстве не способен связно объяснить логику традиционной внешней политики, и в результате происходит молниеносное разрушение гигантского евразийского организма, создаваемого с таким напряжением тремя поколениями, выдержавшими войны, лишения, страдания, непосильные тяготы» [9. С. 95]. По существу, попытка глобальной экспансии, в действительности не соответствовавшей национально-государственным интересам, оказалась слишком затратной для советской эконо-

мики, и дальнейший ход событий, приведший к распаду Советского Союза и мировой системы социализма, явился не столько демонстрацией исторической несостоятельности планового экономического механизма по сравнению с рыночным, сколько результатом многолетнего игнорирования геополитики в СССР и бывших странах социалистического содружества.

В постсоветской России интерес к геополитике заметно возрос. По мнению Г.А. Зюганова, современный «геополитический бум», острый и неподдельный интерес к геополитике со стороны ученых, публицистов и политических деятелей нашей страны обусловлен двумя важнейшими причинами. Во-первых, мы являемся свидетелями нового, третьего передела мира. Два предыдущих стали результатами разрушительных мировых войн. В конце XX в. мировой баланс сил, возникший после победы СССР и его союзников во Второй мировой войне, был разрушен. Новый «мировой порядок» еще не создан, но в нем, по всей видимости, Запад уготовил России далеко не самое достойное место. Во-вторых, геополитика в нашей стране долгое время игнорировалась и догматически трактовалась исключительно как идеологический феномен, как «идейное обеспечение внешней политики империалистических государств». В результате мы значительно отстали в осмыслении геополитических реалий, и в разработке многих теоретических проблем нам необходимо наверстать упущенное, тогда как на Западе геополитика беспрепятственно развивалась в течение всего XX столетия и ныне прочно обрела научный статус (см.: [13. С. 7—9]).

Рост общественного интереса к геополитике в нашей стране в начале 90-х гг. сопровождался официальным признанием дисциплины и обретением ею соответствующего статуса. Геополитическая проблематика стала активно обсуждаться не только в академической среде, но и в политических кругах. В Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации I и II созывов (1993—1995, 1995—1999) действовал Комитет по вопросам геополитики, известные политические деятели выступали в качестве авторов научных и публицистических работ по геополитической тематике (см., напр.: [4; 10; 11; 13; 14; 15; 22] и др.). Однако в первой половине последнего десятилетия XX в. внешнеполитическая практика России существенно расходилась с геополитическим осмыслением государственных интересов. Как верно отмечал известный политолог и публицист А. Пушков, «Москва в 1988—1992 годах отвергла логику геополитики», хотя Запад продолжал строить свою политику в соответствии с ее законами. По его мнению, пренебрежение к геополитике привело к краху курса тогдашнего министра иностранных дел России А.В. Козырева, который «означал подыгрывание стремлению США максимально укрепить свое геополитическое положение за счет слабеющего влияния Москвы» [27].

Сам бывший министр иностранных дел, никогда не скрывавший своей прозападной ориентации и чье имя ассоциировалось за рубежом с «новой российской дипломатией», утверждал, что если считать НАТО «вражьей силой», то следующим шагом станет поиск внутренних врагов, а это означает смерть всем реформам и демократии. Своей «последней победой» на посту руководителя российско-го внешнеполитического ведомства он считал подписание соглашения с НАТО

в мае 1995 г., на котором он настоял. Будучи убежденным в неизбежности расширения НАТО на восток, бывший министр не видел в этом ни угрозы, ни унижения для России, и потому, по его мнению, было бесполезно «стучать кулаком по столу» и пытаться «лить воду против ветра», несмотря на то, что к таким действиям пытались принудить президента Б.Н. Ельцина «некоторые деятели из спецслужб и их армейские союзники» (см.: [19]).

Не секрет, что именно А.В. Козырев был той теневой личностью, который стоял за неформальным сближением «друга Билла», тогдашнего президента США У. Клинтона, с «другом Борисом», следуя при этом рекомендациям и указаниям иностранных советников. Как хорошо известно, при подготовке любого саммита специалисты-эксперты пытаются вычислить ходы противостоящей стороны, чтобы на все уловки «партнеров» найти достойный ответ. Это — одна из причин, по которой дипломаты так не любят всевозможные «встречи без галстуков», когда лидер государства остается без аналитического прикрытия. Но именно А.В. Козырев ввел практику подобных «посиделок», на которых Б.Н. Ельцин в «неформальной» и «доверительной» обстановке делал уступки в пользу своих новых «друзей» (см.: [36]).

С приходом во главу российского МИД известного ученого и дипломата Е.М. Примакова российская политика встала на рельсы реализма и предпочла прагматическую манеру решения стоящих перед страной неотложных задач. Уже в своем первом заявлении в ходе пресс-конференции, состоявшейся 12 января 1996 г., новый министр сделал акцент на «необходимости усиления активности МИД по защите национальных государственных интересов России». По мнению Е.М. Примакова, «Россия, несмотря на экономические трудности, была и остается великой державой. Ее политика во внешнем мире должна соответствовать этому статусу. Речь также идет о необходимости создать внешнюю среду, которая в наибольшей степени благоприятствовала бы развитию экономики, демократических процессов в российском обществе» [12. С. 3]. Тактика односторонних уступок Западу сменилась взвешенной политикой, основанной на концепции «многополярности», которая предполагала активную внешнеполитическую деятельность по всем направлениям, нацеленную на поддержание геостратегических балансов, противодействие созданию однополярного мира и продвижению НАТО на восток. В то же время в качестве одного из важнейших принципов российской дипломатии была заявлена линия на максимально возможное избежание конфронтации, особенно со странами и регионами, от которых зависит ее экономическое развитие (см.: [12. С. 4—5]). Тем самым Россия заявила о своем намерении завоевать геополитические позиции в мире будущего, соответствующие ее национально-государственным интересам.

Будучи министром иностранных дел, Е.М. Примаков придавал приоритетное значение «восточному» вектору внешней политики России. Известно, что еще в советский период он являлся последовательным сторонником развития отношений СССР с арабскими странами, особенно в контексте глобального геополитического противостояния с Западом. В середине 90-х гг. Е.М. Примаков считал необходимым сохранить тесные отношения с этими странами, исходя не только из геополитических соображений, но и в силу причин обеспечения националь-

ной безопасности: он считал, что прочные позиции Москвы на Ближнем Востоке позволят ей лучше контролировать ситуацию на южных рубежах СНГ (см.: [26. С. 3—13]).

Много внимания Е.М. Примаков уделял проблеме восстановления традиционного геополитического влияния России на Балканах. Уже в феврале 1996 г. Россия отказалась от санкций в отношении боснийских сербов, что было поддержано и другими странами; а в октябре Совет Безопасности ООН единогласно отменил экономические санкции против Югославии, действовавшие с 1992 г. В январе 1997 г. МИД России попытался выступить в качестве посредника между президентом Сербии и оппозицией, оспаривавшей результаты выборов.

После «августовского дефолта» Е.М. Примаков в сентябре 1998 г. возглавил Правительство Российской Федерации. Вопреки мнению Международного валютного фонда и прежней практике постсоветского времени, правительство приступило к взаиморасчетам между бюджетом и предприятиями, что уже на первых порах высвободило 50 млрд руб. Был взят курс на уменьшение числа налогов и их снижение. Наряду с этим началась серьезная борьба с махинациями, которые осуществлялись для того, чтобы уходить от налогов совсем или не платить их в полном объеме. Немалое значение для пополнения бюджета всех уровней имело введение государственного контроля за производством и торговлей алкогольной продукцией. Правительство резко выступило против необоснованного роста цен и тарифов на продукты и услуги естественных монополий. В результате тенденция экономического роста появилась уже в конце 1998 г. Позитивная динамика в экономике способствовала тому, что на 1999 г. был предложен и принят Госдумой жесткий, но реальный бюджет. Его удалось выполнить полностью (подробнее см.: [29]).

Правительство Е.М. Примакова предпринимало меры, направленные на привлечение и восстановление доверия иностранных инвесторов, которое заметно пошатнулось после «августовского дефолта». Экономическая программа запланированного на март 1999 г. официального визита Председателя Правительства Российской Федерации в США была хорошо продумана. Кроме того, такая поездка давала возможность провести беседы с президентом, вице-президентом и государственным секретарем США по всей сумме российско-американских отношений, и Е.М. Примаков готовился в ходе предстоявшей встречи в Вашингтоне отстаивать права косовских сербов.

Накануне визита США представили российской стороне свое видение решения косовской проблемы, в формулировках которого, в частности, подчеркивалось, что «этот визит будет проходить на фоне быстро развивающейся ситуации вокруг Косово», включая возможное «проведение военной операции», и, главное, чтобы российский премьер «понимал серьезность ситуации и чтобы возможные действия американской стороны не явились для него сюрпризом». Американцам был вручен следующий ответ: «Примаков также считает свой визит в США очень важным. Он тщательно готовится к предстоящим переговорам. Но, получив ваш сигнал, просил передать следующее. В Вашингтоне хорошо известна позиция России — мы против применения силы в отношении Югославии. Тем более что при всей сложности ситуации далеко не считаем исчерпанными политические меры.

Если США все же пойдут на военную акцию против Югославии, то Примакову, естественно, не останется ничего иного, как прервать свой визит».

23 марта 1999 г. самолет с российской делегацией во главе с Е.М. Примаковым вылетел в США. Во время промежуточной посадки в Шенноне в телефонном разговоре с председателем российского правительства вице-президент США А. Гор подтвердил, что «вероятность удара постоянно нарастает», так как переговоры в Белграде «ни к чему не ведут». «С учетом того значения, которое имеют для нас отношения с США, — ответил Е.М. Примаков, — я принимаю решение вылететь в направлении Вашингтона. Но если во время моего полета все-таки будет принято американское решение об ударе по Югославии, прошу немедленно предупредить меня об этом. В таком случае я не приземлюсь в США».

После того как самолет взлетел и взял курс на Вашингтон, поступил еще один телефонный звонок от А. Гора, после которого Е.М. Примаков пригласил к себе всю делегацию и проинформировал о принятом им решении развернуться над Атлантикой и лететь домой. Все единодушно высказались за это решение (подробнее см.: [29]). И хотя в ночь на 25 марта 1999 г. Югославия подверглась бомбардировкам и ракетному обстрелу НАТО, США впервые за 90-е гг. почувствовали, что Россия уже не та, которой она была при «хорошем парне» А.В. Козыреве, и отныне намерена отстаивать собственные геополитические интересы.

Возглавив Правительство Российской Федерации, Е.М. Примаков продолжал активно заниматься вопросами международной политики. В связи с болезнью Президента он по поручению главы государства представлял Россию на саммите государств Азиатско-Тихоокеанского региона в Малайзии, посетил Австрию для встречи с руководством Европейского Союза.

Убедившись в невозможности остановить готовившуюся военную операцию НАТО против Югославии, в ходе своего официального визита в Индию 20—22 декабря 1998 г. Е.М. Примаков выдвинул идею создания стратегического треугольника «Россия—Индия—Китай» в качестве геополитической меры, направленной на противодействие стремлениям Запада к построению однополярного мира. Однако потребовалось несколько лет для того, чтобы это предложение было поддержано дипломатами: первые трехсторонние встречи в формате «треугольника» состоялись в Нью-Йорке в период сессий Генеральной Ассамблеи ООН в 2002 и 2003 гг., в 2004 г. — в Алма-Ате в ходе Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, а в июне 2005 г. встреча министров иностранных дел России, Китая и Индии впервые состоялась на территории одного из трех государств «треугольника» — во Владивостоке. К настоящему времени стратегическое партнерство трех государств организационно не оформлено и, возможно, в ближайшей перспективе не примет четких международно-правовых форм, поскольку это означало бы образование альтернативного западному альянсу геополитического центра силы в Евразии и неминуемо вызвало бы негативную реакцию США и их союзников, чего каждому из государств «треугольника» в силу различных причин пока хотелось бы избежать.

В целом последние годы XX в. прошли под знаком постепенного возвращения России в зоны своего традиционного геополитического влияния. В последующее десятилетие роль и ответственность нашей страны в международных делах

качественно возросли. Меняющаяся ситуация в мире требует своего осмысления, в том числе и на доктринальном геополитическом уровне, что позволит определить основные направления развития внешнеполитического курса Российской Федерации на продолжительную перспективу с учетом ее национально-государственных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Антясов М.В.* Панамериканизм: идеология и политика. — М., 1981.
- [2] *Аристотель.* Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. — М., 1983. — Т. 4.
- [3] *Ашенкампф Н.Н., Погорельская С.В.* Современная геополитика: Учебное пособие. — М., 2005.
- [4] *Бабурин С.Н.* Территория государства: теоретико-правовые проблемы: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. — М., 1998.
- [5] *Галкин А.А.* Фашистский идейный синдром: генезис германского варианта // Вопросы философии. — 1988. — № 11.
- [6] *Гейден Г.* Критика немецкой геополитики. — М., 1960.
- [7] *Грачев М.Н.* Программа курса «Геополитика» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». — 2009. — № 3.
- [8] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. — М., 2010.
- [9] *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. — 4-е изд. — М., 2000.
- [10] *Жириновский В.В.* Геополитика и русский вопрос. — М., 1998.
- [11] *Жириновский В.В.* Очерки по геополитике. — М., 1997.
- [12] Запись пресс-конференции министра иностранных дел Российской Федерации Е.М. Примакова 12 января 1996 года // Дипломатический вестник. — 1996. — № 2.
- [13] *Зюганов Г.А.* География победы: Основы российской геополитики. — М., 1997.
- [14] *Зюганов Г.А.* За горизонтом: [О новейшей российской геополитике]. — М., 1995.
- [15] *Ивашов Л.Г.* Эволюция геополитического развития России: исторический опыт и уроки: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. — М., 1999.
- [16] *Игнатьев Н.П.* Походные письма 1877 года: Письма Е.Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий. — М., 1999.
- [17] *Исаев Б.А.* Геополитика: Учебное пособие. — СПб., 2006.
- [18] *Киняпина Н.С.* Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. — 2001. — № 1, 2. URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/PALK_OUT.HTM
- [19] Козырев Андрей Владимирович // Биография.ру: биографическая энциклопедия. URL: http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=63438.
- [20] *Кошелев А.И.* Избранные труды. — М., 2010.
- [21] *Кудряшова Э.Г.* Реакционная теория «жизненного пространства» и ее роль в идеологии германского фашизма (1933—1945 гг.). — Сыктывкар, 1988.
- [22] *Митрофанов А.В.* Шаги новой геополитики. — М., 1997.
- [23] *Михайлов А.* Михаил Григорьевич Черняев: Биографический очерк с приложением выражений общественного к нему сочувствия. — СПб., 1906.
- [24] *Нартов Н.А., Нартов В.Н.* Геополитика: Учебник для студентов вузов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 2007.
- [25] *Пономарева И.Б., Смирнова Н.А.* Геополитика империализма США: Атлантическое направление. — М., 1986.
- [26] *Примаков Е.М.* Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. — 1996. — № 10.
- [27] *Пушков А.* Внешняя политика России // Независимая газета. — 1995. — 16 ноября.

- [28] *Савицкий П.Н.* Географические и геополитические основы евразийства // Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. — 4-е изд. — М., 2000.
- [29] *Семенов С.М., Тагаева Н.Н.* Примаков Евгений Максимович: Официальная биография // Международный объединенный биографический центр. URL: <http://www.biograph.ru/bank/primakov.htm>
- [30] *Скобелев М.Д.* Слово Белого генерала: Слово современников; Слово потомков. — М., 2000.
- [31] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: Сборник документов. — Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). — М., 1984.
- [32] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: Сборник документов. — Т. 4: Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). — М., 1984.
- [33] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: Сборник документов. — Т. 6: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). — М., 1984.
- [34] *Сталин И.* Речи на обеде в честь Э. Бенеша 28 марта 1945 года // Сталин И. Сочинения. — Тверь, 2006. — Т. 18.
- [35] *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом. — М., 2010.
- [36] Та самая колонна // Вслух: Журнал общественного влияния. URL: <http://www.vslux.ru/node/7444>
- [37] *Тихонравов Ю.В.* Геополитика: Учебное пособие. — М., 2000.
- [38] *Тонкоглас В.П.* Критика современных военно-социологических концепций геополитики: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. — М., 1980.
- [39] *Тресков В.И.* Американский неоконсерватизм — новая вариация буржуазного обоснования геополитического антикоммунизма и «холодной войны» // Диалектика общественного бытия и общественного сознания. — М., 1986.
- [40] *Фадеев Р.А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ. — М., 2010.
- [41] *Челлен Р.* Государство как форма жизни. — М., 2008.
- [42] *Черкасский В.А.* Национальная реформа. — М., 2010.

GEOPOLITICS AND FOREIGN POLICY OF THE SOVIET UNION AND RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

R.M. Ajrapetjan

The Department of History
Moscow Aviation Institute (State Technical University)
Volokolamskoe sh., 4, Moscow, Russia, 125993

The article discusses the background of the Russian school of geopolitics, analyses the ratio of foreign policy and geopolitical ideas in the USSR and Russia in the second half of the twentieth century.

Key words: Soviet Union, Russian Federation, geopolitics, foreign policy.